

**И.Н. Куксин,
Е.Е. Новопавловская**

**О некоторых аспектах
уголовного законодательства
через призму практики
конституционного судопроизводства¹**

Проведенный в статье мониторинг решений Конституционного суда Российской Федерации, вынесенных им за последние три года, позволил авторам выявить отдельные узловые проблемы уголовного законодательства. Обозначены некоторые направления совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, реализуемые под влиянием механизмов судебного конституционного нормоконтроля.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство; преступление; уголовная ответственность; обратная сила закона; судимость.

В современных российских реалиях в целях защиты своих прав и свобод граждане и их объединения весьма активно прибегают к рычагам конституционного судопроизводства. Зачастую заявители ставят не только перед Конституционным судом Российской Федерации (далее — КС РФ) задачу, состоящую в оценке конституционности норм, регулирующих различные сферы общественных отношений (социальную, экономическую, экологическую, духовную и иные) (см. подробнее: [3: с. 524–530; 4: с. 515–519]), но нередко в их обращениях вскрываются узловые проблемы как правовой регламентации общественных отношений, так и правоприменительной практики.

Оценке на соответствие Конституции подвергаются нормы различной отраслевой принадлежности, в том числе уголовного права. При этом привести к единому знаменателю перечень заявителей по делам такой категории и вывести их общий список весьма проблематично. Такой перечень будет весьма обширен, поскольку обращения в КС РФ по вопросам регламентации преступлений и уголовной ответственности поступают как от отдельных

¹ Подготовлено с использованием системы «Гарант».

граждан (например, Постановление КС РФ от 07.04.2015 № 7-П), и не только имеющих российское гражданство, так и их объединений (Постановление КС РФ от 31.03.2011 № 3-П), а также представителей государственных структур (Определение КС РФ от 17.01.2013 № 2-О). Отметим, что в большинстве своем речь идет о жалобах граждан Российской Федерации. Однако в ряде случаев граждане других государств (например, Республики Беларусь (Определение КС РФ от 21.05.2015 № 1132-О), Республики Казахстан (Постановление КС РФ от 16.07.2015 № 22-П)) были вынуждены прибегнуть к рычагам конституционного судопроизводства, полагая, что уголовным законом, примененным в отношении них на территории Российской Федерации, нарушены их конституционные права и свободы, наличие которых не всегда связано с принадлежностью к определенному государству. Показательным примером тому может выступать ситуация, когда гражданин Республики Казахстан оспаривал конституционность положений ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, примененных при признании его виновным в совершении преступления, выразившегося в незаконном перемещении через государственную границу Российской Федерации с Республикой Казахстан сильнодействующих веществ (контрабанда). В вынесенном по делу Постановлении от 16.07.2015 № 22-П КС РФ указал на наличие неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами либо аналогами. Наличие подобного рода неопределенности правового регулирования, как справедливо отметил КС РФ, приводит к невозможности учета специфики перемещения физическими лицами сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами либо аналогами, в целях личного использования. Поэтому, по мнению КС РФ, федеральный законодатель обязан внести соответствующие изменения. Актуальность названного постановления КС РФ не вызывает сомнений, поскольку, к сожалению, сегодня количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ, лишь возрастает. Так, по официальным данным Росстата, в 2015 г. было зарегистрировано 236,9 тысяч таких преступлений, из которых 97,0 % составляли факты незаконного производства, сбыта, пересылки, приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки, а также нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ. Для сравнения: в процентном соотношении к 2014 г. аналогичные показатели составили в 2015 г. 92,6 % [6].

Интерес представляют и статистические показатели деятельности КС РФ за последние несколько лет. В 2012 г. из 5990 обращений в КС РФ по вопросам уголовного права и процесса в 583 обращениях (9,7 %) затрагивались

вопросы регламентации преступлений и уголовной ответственности. Показатели последующих лет выглядят следующим образом: 2013 г. — соответственно 5943 и 583 обращений (9,8 %); 2014 г. — 6739 и 685 (10,2 %); 2015 г. — 5437 и 523 (9,6 %) [9]. Приведенные данные практики конституционного судопроизводства последних лет позволяют признать:

1) сохранение стабильно высоких показателей ежегодного количества обращений по вопросам регламентации преступлений и уголовной ответственности за их совершение;

2) сохранение удельного веса таких обращений в общем количестве обращений по вопросам уголовного права и процесса в целом.

Какова же ситуация сегодня? На текущий момент I квартала 2016 г. статистическая картина такова: из 353 обращений по вопросам уголовного права и процесса в 33 случаях заявители указывали на неконституционность регулирования вопросов преступлений и уголовной ответственности. Безусловно, делать здесь какие-либо выводы пока еще совсем рано, поскольку уже к концу обозначенного периода ситуация может кардинальным образом измениться. Но уже можно отметить наблюдающуюся сегодня динамику (причем весьма значительную) снижения количества обращений по вопросам уголовного права и процесса. Однако удельный вес обращений по делам исследуемой нами категории остается примерно на том же уровне, что и ранее, составляя 9,3 %. Следовательно, на современном этапе государственно-правового строительства, несмотря на проводимые законодательные корректировки, еще рано говорить о полном совершенстве уголовного законодательства.

Полагаем, что вызывает интерес и содержание поступающих в КС РФ обращений. Какие же аспекты регламентации вопросов преступлений и уголовной ответственности видятся заявителям в качестве проблемных? В предмет разбирательства в порядке конституционного судопроизводства входили положения, затрагивающие различные аспекты как общей, так и особенной частей уголовного права. В частности, заявители оспаривали конституционность регламентации условий и порядка:

– применения обратной силы уголовного закона (Постановление КС РФ от 19.11.2013 № 24-П);

– погашения или снятия судимости, аннулирующих все правовые последствия, которые связаны с судимостью (Постановление КС РФ от 10.10.2013 № 20-П);

– составов отдельных видов преступлений и особенностей привлечения к уголовной ответственности за их совершение.

В частности, КС РФ давал оценку конституционности регламентации:

– незаконного производства, сбыта или приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138 УК РФ). Например, в 2011 г. заявители обратили внимание КС РФ на отсутствие в законодательстве четкого понятия специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, а также

на отсутствие исчерпывающего перечня признаков и критериев, позволяющих разграничивать специальные технические средства и технические средства, разрешенные к обороту. Поясняя свою позицию, заявители указали, что имеющееся законодательное регулирование (фактически речь шла о частичном пробеле уголовного закона в данной части) предоставляет необоснованно широкие пределы усмотрения правоприменительным органам и допускает тем самым произвольное применение законодательных положений (Постановление КС РФ от 31.03.2011 № 3-П);

– мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, уголовная ответственность за которое установлена ст. 159.4 УК РФ (Постановление КС РФ от 11.12.2014 № 32-П);

– неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон) (Постановление КС РФ от 07.04.2015 № 7-П);

– контрабанды (Постановление КС РФ от 13.07.2010 № 15-П), в том числе совершаемой путем перемещения через таможенную границу Российской Федерации иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации, которая не была задекларирована или недостоверно декларирована (Постановление КС РФ от 27.05.2008 № 8-П);

– уклонения от уплаты налогов с организации путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо иным способом, а равно от уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации, совершенного в крупном или особо крупном размере (Постановление КС РФ от 27.05.2003 № 9-П);

– незаконного сбыта некоторых видов оружия, включая холодное оружие (Постановление КС РФ от 17.06.2014 № 18-П). Так, за период с января по ноябрь 2015 г. было выявлено 24,9 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (при этом увеличение относительно аналогичного периода 2014 г. составило 1,7 %) [8] и др.

В практике конституционного судопроизводства известны случаи, когда судебный конституционный нормоконтроль осуществлялся одновременно в отношении положений уголовного права и иных отраслей российского права, в том числе конституционного (Постановление КС РФ от 10.10.2013 № 20-П), гражданского (Постановление КС РФ от 07.04.2015 № 7-П), административного (Постановление КС РФ от 13.07.2010 № 15-П) и др. Приведем лишь один пример для наглядности, связанный с демократическим характером российского государства, предполагающим наличие различных форм участия населения в решении вопросов государственного значения. Ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, фиксирует активное и пассивное избирательное право, предоставляемое гражданам Российской Федерации и реализуемое в процессе формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления. Как следует

из положений ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, избирательное право — вовсе не безусловно. Таковое не распространяется на граждан, которые «...признаны судом недееспособными, а также лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда». Данная законодательная конструкция и представляет для нас научный и практический интерес в контексте согласованности с ней положений избирательного законодательства, претерпевавшего корректировку на разных этапах своего развития, в том числе в части регламентации вопроса, касающегося ограничения избирательного права. Принятый в 1994 г. Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», утративший силу в 1997 г., в ч. 3 ст. 4 содержал аналогичную конституционной норме формулировку, предусматривая ограничение права избирать и быть избранными граждан, признанных судом недееспособными или содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда (подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*). По такому же пути пошел и пришедший ему на смену Федеральный закон № 124-ФЗ от 19.09.1997, уточнив, что такое ограничение распространяется и на участников референдумного процесса. Однако Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дополнительно к установленному на конституционном уровне кругу лиц, ограниченных в избирательном праве, также добавил и иные категории, расширив границы ограничения избирательного права. Названный закон установил, что не вправе быть избранными граждане Российской Федерации, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления (подп. «а» п. 3.2. ст. 4). В 2012 г. указанный подп. «а» п. 3.2. ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 02.05.2012 № 40-ФЗ) был изложен в следующей редакции: «не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации: а) осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями» (подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*). Конституционность подобного рода законодательного регулирования ограничений пассивного избирательного права и была оспорена в 2013 г. гражданами в порядке конституционного судопроизводства. Здесь наглядно видно, что на момент обращения заявителей в КС РФ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в п. 3.2. ст. 4 среди ограничений пассивного избирательного права называл случаи, когда лицо было осуждено когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений

(подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*). Исключение здесь составляли ситуации, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями (подп. «а»). Обратимся к некоторым данным статистики. Всего за период с января по ноябрь 2015 г. в Российской Федерации (без учета данных по Республике Крым и г. Севастополю) было зарегистрировано 2 388,5 тыс. преступлений, из которых 519,7 тыс. составляют тяжкие и особо тяжкие. В сравнении с предыдущим месяцем число зарегистрированных преступлений в декабре 2015 г. увеличилось на 6,2 %, число тяжких и особо тяжких преступлений — на 13,4 % [6]. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации только за 6 месяцев 2015 г. за совершение тяжких преступлений было осуждено 84 581 человек и за особо тяжкие — 19 975 [7].

В исследуемом случае конституционность названных положений избирательного законодательства подвергалась оценке в связке с нормами ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 УК РФ. КС РФ констатировал неконституционность норм Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», закрепляющих бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права (подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*). В Постановлении № 20-П от 10.10.2013 КС РФ отметил необходимость незамедлительного проведения корректировок избирательного законодательства в части установления процессуальных гарантий, призванных обеспечить возможность восстановления пассивного избирательного права тех граждан, судимость которых снята или погашена. Однако подобное восстановление, по мнению КС РФ, возможно только если новым уголовным законом совершенное таким гражданином деяние более не признается тяжким или особо тяжким преступлением. Практический интерес представляет и последующая реакция законодателя на вынесенное КС РФ Постановление и сформулированные в нем правовые позиции, поскольку исполнение судебного решения — значимый этап любого вида судопроизводства. Как показала практика, реакция федерального законодателя не заставила долго себя ждать. Федеральным законом от 21 февраля 2014 г. [1] подп. «а» п. 3.2. ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» был изложен в иной редакции, установившей, что ограничению пассивного избирательного права подлежит гражданин, осужденный к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющий на день голосования на выборах «неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления» (подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*). При этом кроме названной выше даты в законе содержится и указание на определенные сроки со дня снятия или погашения судимости, которые зависят от категории преступления. В частности, согласно подп. «а». п. 1 и «а». п. 2 указанного Федерального закона не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята

или погашена, — до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости, а также осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, — до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости (подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*).

Еще в 2013 г. в Постановлении от 04.07.2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» Европейский суд по правам человека признал тот факт, что установленное в российском законодательстве ограничение избирательного права лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, является нарушением ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Между тем, как отметил КС РФ в Постановлении № 21-П от 14.07.2015, если вынесенное по жалобе против Российской Федерации постановление ЕСПЧ, основанное на толковании норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ведет к их противоречию с российской Конституцией, то оно «не может быть исполнено» (Постановление КС РФ № 21-П от 14.07.2015).

В конце 2015 г. была поставлена точка в вопросе об имплементации решений ЕСПЧ в Российской Федерации. Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации» в редакции от 14.12.2015 предусмотрел в ч. 2 ст. 106 принципиально новую норму, определяющую порядок рассмотрения КС РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Ч. 2 ст. 106 гласит: «Толкование положений Конституции Российской Федерации, устраняющее неопределенность в их понимании с учетом выявившегося противоречия между положениями международного договора Российской Федерации в истолковании, данном межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, и положениями Конституции Российской Федерации в смысле невозможности исполнения соответствующего решения межгосударственного органа без нарушения этих положений Конституции Российской Федерации, означает, что какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего решения межгосударственного органа, в Российской Федерации не могут осуществляться (приниматься)».

Неоднократно заявители ставили перед КС РФ задачу одновременно дать оценку конституционности уголовно-правовых норм и норм процессуального характера, в частности, уголовно-процессуального права, что объяснимо, поскольку, как справедливо заметил КС РФ в Постановлении № 24-П от 19.11.2013, нормы уголовного закона — это материально-правовая предпосылка для уголовно-процессуальной деятельности (подчеркнуто нами. — *И.К., Е.Н.*). Например, в Постановлении КС РФ № 4-П от 20.04.2006 речь шла о выявлении конституционно-правового смысла ст. 10 УК РФ, где КС РФ указал следующее. Во-первых, положения ч. 2 ст. 10 УК РФ о возможности сокращения уголовного наказания в пределах, предусмотренных новым

уголовным законом, необходимо рассматривать только в системной связи с нормами ч. 1 названной статьи УК РФ. Во-вторых, приводя приговор в соответствие с новым уголовным законом (независимо от стадии уголовного процесса, на которой возникает и разрешается подобный вопрос), необходимо применять общие и специальные правила, зафиксированные УК РФ в редакции этого закона. В-третьих, к числу таковых правил относятся и правила, которые допускают назначение наказания ниже низшего предела, при наличии смягчающих обстоятельств, а также при рецидиве преступлений. В-четвертых, системное применение подобных правил призвано обеспечивать реализацию в уголовно-правовых отношениях сразу нескольких базовых принципов — принципа справедливости, равенства всех перед законом и судом и др. При этом, как верно замечает К.В. Дядюн, адресатами принципа равенства, как и иных уголовно-правовых принципов, выступают и законодатель, и правоприменитель, и отдельные граждане (прежде всего в лице совершивших преступления и потерпевших от преступлений) [5: с. 166].

Проведенный анализ обращений в КС РФ по вопросам оценки конституционности положений УК РФ позволяет обозначить некоторые причины, вызывающие неудовлетворенность граждан системой уголовно-правового регулирования. Во-первых, следует признать наличие недостатков правового предписания, носящих юридико-технический характер и создающих препятствия в реализации прав и законных интересов участников уголовных правоотношений. В частности, когда положения УК РФ содержат некую «правовую неопределенность», допуская возможность их произвольного применения. Во-вторых, существуют и недостатки правоприменительной практики, вызванные неверным толкованием предписаний УК РФ, когда отсутствуют проблемы законодательного характера. В-третьих, иногда присутствует несвоевременная реакция законодателя на необходимость корректировки соответствующих положений уголовного закона, когда фактически имеют место «сбои» в механизме исполнения решений КС РФ.

Анализом актов и решений нами выявлено, что уголовное законодательство подвергается систематическим корректировкам, осуществляемым в том числе под влиянием решений КС РФ и сформулированных в них правовых позиций. Однако говорить сегодня о совершенстве уголовного закона пока еще рано. Осуществление уголовной политики должно основываться, как справедливо подчеркивает С.В. Бородин, на комплексном, системном подходе, что обеспечит построение единой, согласованной концепции. Речь вовсе не идет только об уголовно-правовых нормах, поскольку они должны согласовываться и не входить в противоречие и с нормами процессуального характера [2: с. 53].

Литература

1. Федеральный закон от 21.02.2014 № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 739.
2. *Бородин С.В.* Концепция уголовно-правовой политики через призму системного подхода // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 51–54.
3. *Болгова В.В., Жеребцова Е.Е.* Мифы и реальность современной социально-экономической политики (на примере защиты конституционного права на труд) // European Social Science Journal. 2014. № 4 (43). Т. 2. С. 524–530.
4. *Болгова В.В., Жеребцова Е.Е.* Практика Конституционного суда Российской Федерации и формирование публичного интереса в сфере экологической безопасности // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. Ч. 2. С. 515–519.
5. *Дядюн К.В.* Принципы равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 156–168.
6. Основные показатели по преступности: Правонарушения в 2015 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (дата обращения: 15.02.2016).
7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2015 года: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3212> (дата обращения: 15.02.2016).
8. Состояние преступности — январь – ноябрь 2015 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6917617/> (дата обращения: 15.02.2016).
9. Статистика по решениям Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (дата обращения: 15.02.2016).

Literatura

1. Federal'nyj zakon ot 21.02.2014 № 19-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 8. St. 739.
2. *Borodin S.V.* Konceptiya ugovovno-pravovoj politiki cherez prizmu sistemnogo podxoda // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 3. S. 51–54.
3. *Bolgova V.V., Zherebczova E.E.* Mify' i real'nost' sovremennoj social'no-e'konomicheskoy politiki (na primere zashhity' konstitucionnogo prava na trud) // European Social Science Journal. 2014. № 4 (43). T. 2. S. 524–530.
4. *Bolgova V.V., Zherebczova E.E.* Praktika Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii i formirovanie publichnogo interesa v sfere e'kologicheskoy bezopasnosti // Fundamental'ny'e issledovaniya. 2014. № 8. Ch. 2. S. 515–519.
5. *Dyadyun K.V.* Principy' ravenstva grazhdan pered zakonom, spravedlivosti i gumanizma: ponyatie i sushhnost' v ugovovnom prave // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 2. S. 156–168.

6. Osnovny'e pokazateli po prestupnosti: Pravonarusheniya v 2015 g. // Oficial'ny'j sajt Federal'noj sluzhby' gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (data obrashheniya: 15.02.2016).

7. Svodny'e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 1 polugodie 2015 goda: Otchet o chisle privilechenny'x k ugolovnoj otvetstvennosti i vidax ugolovnogo nakazaniya // Oficial'ny'j sajt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3212> (data obrashheniya: 15.02.2016).

8. Sostoyanie prestupnosti — yanvar' – noyabr' 2015 goda // Oficial'ny'j sajt Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6917617/> (data obrashheniya: 15.02.2016).

9. Statistika po resheniyam Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Oficial'ny'j sajt Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (data obrashheniya: 15.02.2016).

I.N. Kuksin,

E.E. Novopavlovskaya

Some Aspects of Criminal Law in the Light of the Practice of Constitutional Court Proceedings

Monitoring of the Constitutional Court decisions delivered in the past three years allowed the authors to identify some key problems of criminal law. Some ways of improving law-making and enforcement activities implemented under the influence of the mechanisms of judicial constitutional normative control are defined.

Keywords: constitutional legal proceedings; crime; criminal liability; ex post facto law; conviction.